

П.Н. Костылев*

М.В. ЛОМОНОСОВ И НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИИ

В статье рассматривается отношение Ломоносова к религии (язычество, религии Античности, старообрядчество, православное христианство, наука и религия) в контексте истории отечественного религиоведения.

Ключевые слова: Ломоносов, Московский университет, научное изучение религии, религиоведение.

P.N. Kostylev. M.V. Lomonosov and scientific study of religion

The article considers Lomonosov's thoughts about religion (paganism, religion of antiquity, the Old Believers, Orthodox Christianity, science and religion) in the context of history of native religious studies.

Key words: Lomonosov, Moscow University, scientific study of religion, religious studies.

Научное изучение религии, в наши дни обычно называемое религиоведением, имеет в России давнюю и непростую историю, и М.В. Ломоносов по праву принадлежит к первым главам этой истории. Множество исследователей мировоззрения Ломоносова, отстаивая самобытность его философских концепций, нередко возводят истоки его мировоззрения к немецкому философу Христиану Вольфу (1679—1754), бывшему ректором Марбургского университета в то время, когда Ломоносов был в Марбурге студентом (1736—1739). Аналогично определенное влияние на представления Ломоносова о религии оказал другой марбургский профессор — Иоганн-Каспар Санторок (1682—1745), декан философского факультета и проректор Марбургского университета, читавший курсы «языческой теологии» и «натуральной теологии» [Архив, ф. 20, оп. 6, № 59]¹. В 1754 г. Ломоносов даже приглашал Санторока в Санкт-Петербург [*М.В. Ломоносов*, 1952, т. 10, с. 505; *В. Ченакал*, 1961, с. 16], но, вероятно, безуспешно.

После возвращения из Германии круг интересов Ломоносова в области изучения религий оказался довольно обширен. Прежде

* *Костылев Павел Николаевич* — старший научный сотрудник кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: +7 (926) 037-07-69; *e-mail*: relig@yandex.ru

¹ В эссе Г.П. Шторма Ломоносов отзывался о Сантороке не вполне положительно («лекции профессора Санторока изрядными мне не кажутся») [*Г.П. Шторм*, 1985, с. 152], однако никаких данных о реальности такого отношения безотносительно фантазии автора нами обнаружено не было.

всего его интересовали языческие религии: к примеру, в 1754 г. он брал из Академии наук книгу Т. Арнкила о языческой религии кимбров [Т. *Arnkjel*, 1702; Архив, ф. 158, оп. 1, № 409, л. 39 об.] («о цымбрском идолопоклонстве») и для «Древней Российской истории...» [М.В. Ломоносов, 1952, т. 6, с. 163—286] цитировал из нее [там же, с. 582]. Также при подготовке к написанию этой работы Ломоносов использовал описания и изображения языческих божеств из двухтомника Х. Гарткноха «История старой и новой Пруссии» [Chr. *Hartknoch*, 1684; М.В. Ломоносов, 1952, т. 6, с. 557].

Фактически четвертая глава «Древней Российской истории...», именуемая «О нравах, поведеньях и о верах славенских», представляет собой исследование славянских религиозных представлений, выполненное на весьма высоком для своего времени уровне. Ломоносов, опираясь на различные источники, описывает поклонение Святовиду, Проно, Сивее, Радегасту, Чернобогу и Белобогу, культы священных огней и озер, пережитки тотемизма. Сравнивая «пруссские» и русские верования, Ломоносов приходит к выводу об идентичности прусского Перкуна и русского Перуна [М.В. Ломоносов, 1952, т. 6, с. 206—207], функционально отождествляет Перуна с Зевсом («Сей богом грома и молнии почитавшийся Перун был Зевес древних наших предков») [там же, с. 251]. В восьмой главе («О рассмотрении вер и о крещении Владимирове») Ломоносов описывает легенду о выборе веры (крещении Руси).

В прозаических и поэтических сочинениях Ломоносов часто обращался к античной тематике, как, например, в «Письме о пользе стекла» [М.В. Ломоносов, 1959, т. 8, с. 516—517], да и вообще многократно использовал античную, славянскую и христианскую (прежде всего библейскую) мифологическую образность как в научных работах, так и в литературных трудах [там же, с. 1244—1252; М.В. Ломоносов, 1983, т. 11, с. 400—405]. Если проанализировать «Указатель мифологических имен» к десяти томам Полного собрания сочинений, подготовленный И.В. Телешовой [М.В. Ломоносов, 1983, т. 11, с. 400—405], то нельзя не прийти к выводу, что античные образы упоминаются Ломоносовым много чаще христианских. Так, наиболее часто упоминаемыми образами из двухсот, используемых самим Ломоносовым, необходимо признать следующие²:

а) античные: герои трагедии «Демофонт» [М.В. Ломоносов, 1959, т. 8, с. 411—486] (Демофонт³, Филлида⁴, Приам⁵, Илиона⁶ и По-

² Учитываются имена, упоминаемые десять и более раз в корпусе работ Ломоносова, вошедших в Полное собрание сочинений.

³ Афинский царь, сын Тесея, 49 упоминаний.

⁴ Фракийская царевна, невеста Демофонта, 42 упоминания.

⁵ Последний царь Трои, 21 упоминание.

⁶ Дочь троянского царя Приама, 37 упоминаний.

лимнестор⁷), античные группы божеств (музы⁸ и нимфы⁹) и отдельные божества (Минерва¹⁰, Зевс¹¹, Аполлон¹², Борей¹³), в том числе давшие название планетам (Марс¹⁴, Нептун¹⁵, Венера¹⁶);

б) христианские: апостолы Петр¹⁷ и Павел¹⁸;

в) славянские: наиболее часто упоминается Перун¹⁹.

Прежде чем перейти к описанию отношения Ломоносова к современному ему православному христианству, необходимо дать краткую оценку известному представлению, а вернее сказать, — мифу о предполагаемом старообрядчестве Ломоносова. По сообщению одного из первых биографов Ломоносова, Михаила Ивановича Веревкина (1732—1795), «на тринадцатом году младый его разум уловлен был раскольниками так называемого толка беспоповщины; держался оного два года, но скоро понял, что заблуждает» [М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, 1962, с. 50]; как пишут в одной из первых словарных статей о Ломоносове М. Сперанский и А. Бачинский, «одно время он примкнул к секте беспоповцев, но скоро формализм сектантства его оттолкнул» [Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат, т. 27, стб. 354].

Некоторые исследователи на основании этого свидетельства и некоторых других косвенных данных пишут — с разной степенью убедительности — о старообрядчестве Ломоносова [Н.Ю. Бубнов, 1986, с. 28—35]. К примеру, Д.С. Бабкин еще в 1946 г. утверждал,

⁷ Царь Херсонеса Фракийского, убивший Полидора (младшего сына Приама) и ослепленный Гекубой (в данном случае — супругой Приама), 32 упоминания.

⁸ Греческие богини поэзии, искусств и наук; в греческой мифологии существовало девять муз: Клио — муза героической песни и истории, Евтерпа — муза лирической поэзии, Талия — муза комедии, Мельпомена — муза трагедии, Терпсихора — муза танца, Эрато — муза любовной поэзии, Полигимния — муза пантомимы, Урания — муза астрономии, Каллиопа — муза эпической поэзии, всего 45 упоминаний.

⁹ Греческие божества, олицетворявшие силы и явления природы, 24 упоминания.

¹⁰ Римская богиня мудрости, покровительница наук, 27 упоминаний.

¹¹ Верховное божество греческой религии и мифологии, 23 упоминания.

¹² Сын Зевса, греческий бог света, покровитель искусств, 15 упоминаний.

¹³ Греческий бог северного ветра, 11 упоминаний.

¹⁴ Римский бог войны, давший название четвертой планете от Солнца, 24 упоминания.

¹⁵ Римский бог моря и одновременно восьмая и самая дальняя планета Солнечной системы, 15 упоминаний. Поскольку планета Нептун была обнаружена только 23 сентября 1846 г., Ломоносов писал о Нептуне только как об античном божестве.

¹⁶ Римская богиня садов, красоты и любви, одновременно вторая планета Солнечной системы, 10 упоминаний.

¹⁷ 16 упоминаний.

¹⁸ 15 упоминаний.

¹⁹ Верховное божество славянской религии и мифологии в период, непосредственно предшествующий крещению Руси, 10 упоминаний.

что Ломоносов обучался в Выговском общежитии, где тогда готовили старообрядческих наставников для всей России [*Д.С. Бабкин*, 1946, т. 2, с. 13—34]. Однако во всех известных нам работах Ломоносов не выказывает решительно никаких симпатий к старообрядчеству.

Так, в письме И.И. Шувалову «О сохранении и размножении российского народа» [*М.В. Ломоносов*, 1952, т. 6, с. 381—403] Ломоносов пишет о раскольниках следующее: «Для расколу много уходит российских людей на Ветку: находящихся там беглецов не можно ли возвратить при нынешнем военном случае?» [там же, с. 402]. Ломоносов говорит здесь о возможности при прохождении русских войск после прусской кампании через Белоруссию принудительного возвращения раскольников из их поселений на р. Ветке [там же, с. 599]. Другие способы исправления раскола Ломоносов собирался представить в главе «О исправлении нравов и о большем просвещении народа» [Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь, 1999, с. 133]. Далее, среди тем статей, намеченных Ломоносовым к включению в письмо, была и тема «Истребление раскола» [*М.В. Ломоносов*, 1952, т. 6, с. 379]; ее же Ломоносов включил в конспект благодарственной речи, подготавливаемой им для инаугурации Университета в конце 1759 г. [*М.В. Ломоносов*, 1959, т. 8, с. 679].

Ряд строк известного сатирического «Гимна бороде» [там же, с. 618—626] совершенно точно относится к раскольникам. Ломоносов говорит, что борода, критике ношения которой и посвящен «Гимн», — «Кержинцам любезный брат» (строка 19), кержинцы же — это раскольники, именовавшиеся так по названию притока Волги Керженца, по берегам которого было расположено много раскольниковых скитов. Далее, «кержинцам любезный брат» облагается двойной податью («...С радостью двойной оклад // В збор за оную приносит», строки 20—21) — как раз по указу Петра I подать взималась с раскольников в двойном размере. Внешне загадочные строки 22—24 «И с поклоном низким просит // В вечной пропустить покой // Безголовым с бородой» представляют собой намек на фанатическое почитание бороды раскольниками, которые утверждали, что безбородым закрыт доступ в рай, и ради бороды готовы были жертвовать жизнью. Например, летом 1705 г. в Ярославле к митрополиту Димитрию Ростовскому (1651—1709) подошли, как пишет автор «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьев, «два человека, не старые, но с бородами, и сказали ему: “Владыко святой, как ты велишь? Велят нам по указу государеву бороды брить, а мы готовы головы наши за бороды положить, лучше нам пусть отсекутся наши головы, чем бороды обреются”» [*С.М. Соловьев*, 1993, с. 327]. Наконец, строка 29 («Скачут в пламень суеве-

ры»), вероятно, относится к массовым по причине правительственных гонений самосожжениям раскольников в ломоносовские годы [М.В. Ломоносов, 1959, т. 8, с. 1069].

Надпись, посвященная митрополиту Дмитрию Ростовскому, на серебряной тумбе, которая находилась перед его ракой и служила основанием для серебряного киота с иконой Димитрия, уже с 1778 г. включаемая в собрания сочинений Ломоносова, характеризует Дмитрия Ростовского как сподвижника Петра I в борьбе «против суемудренного раскола» [там же, с. 646]. Поэтическое послесловие к надписи начинается с формулировки «О вы, что божество в пределах чтите тесных, // Подобие его мня быть в частях телесных!», которая, по мнению исследователей, направлена непосредственно в адрес раскольников [там же, с. 1090].

Наконец, в героической поэме «Петр Великий» Ломоносов устами своего героя дает расколичеству предельно нелестную характеристику: «Ты ведаешь, раскол, что начал Аввакум // И пустосвят-злодей, его сообщник дум, // Невежество почет²⁰ за святость старой веры» (строки 611 — 613 песни первой) [там же, с. 716].

В представленном выше контексте предположение о старообрядчестве Ломоносова представляется, на наш взгляд, совершенно необоснованным; очевидно, что если у молодого Ломоносова и были какие-либо симпатии к расколичеству, к зрелости от них не осталось и следа.

Отношение к современному ему православному христианству Ломоносов выражает в нескольких работах. Прежде всего речь идет об уже упоминавшемся письме «О сохранении и размножении российского народа». В нем Ломоносов критикует практику насильственного пострижения в монахи молодых «вдовых попов и дяконов», предлагая позволять им вступать во второй брак; более того, сомневаясь в осмысленности монашества для молодых людей, Ломоносов предлагает «клобук запретить мужчинам до 50, а женщинам до 45 лет» [М.В. Ломоносов, 1952, т. 6, с. 387].

Обрядоверие, прежде всего связанное с постом, Ломоносову также кажется бесполезным для народа, в связи с чем он во избежание угрозы народному здоровью предлагал перенести Великий пост с весны на осень. Вера в магическую силу православного обряда также закономерно критикуется Ломоносовым, который пишет, обращаясь уже к церкви: «А сверх того, ученьем вкорените всем в мысли, что Богу приятнее, когда имеем в сердце чистую совесть, нежели в желудке цынготную рыбу, что посты учреждены не для самоубийства вредными пищаами, но для воздержания от изли-

²⁰ То есть почта, приняв.

шества, что обманщик, грабитель, неправосудный, мздоимец, вор и другими образы ближнего повредитель прощения не сыщет, хотя бы он вместо обыкновенной постной пищи в семь недель ел щепы, кирпич, мочало, глину и уголье и большую бы часть того времени простоял на голове вместо земных поклонов. Чистое покаяние есть доброе житие, бога к милосердию, к щедроте и к люблению нашему преклоняющее» [там же, с. 395—396].

Практика детского крещения ледяной водой (т.е. зимой) также возмущала Ломоносова, который писал: «...упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами, затем что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти» [там же, с. 391], предлагая насильственно повелеть священникам крестить детей теплой водой: «Невеждам-попам физику толковать нет нужды, довольно принудить властью, чтобы всегда крестили водою, летней в рассуждении теплоты равною, затем что холодная исшедшему недавно из теплой матерней утробы младенцу конечно вредна, а особливо который много претерпел в рождении» [там же, с. 390—391].

В «Примечаниях [об обязанностях духовенства]» [там же, с. 405—408], написанных в конце 1761 г. также в адрес И.И. Шувалова, Ломоносов сравнивает православное духовенство с протестантским, и это сравнение оказывается не в пользу российского духовенства. Ломоносов пишет: «Тамошние пасторы не ходят никуда на обеды, по крестинам, родинам, свадьбам и похоронам, не токмо в городах, но и по деревням за стыд то почитают, а ежели хотя мало коего увидят, что он пьет, тотчас лишат места. А у нас при всякой пирушке по городам и по деревням попы — первые пьяницы. И не довольствуясь тем, с обеда по кабакам ходят, а иногда и до крови дерутся» [там же, с. 407—408]. Протестантское духовенство также способствует народному образованию, тогда как российское — не вполне: «Пасторы в своих духовных детских школах обучавшихся детей грамоте наставляют закону божию со всею строгостию и прилежанием. И при конфирмации перед первым причащением спрашивают о христианском учении первое в школе... Все сие беспрерывно содержится не токмо по городам, но и по селам, где есть села. А у нас по многим местам и попы сами чуть столько грамоте знают, сколько там мужичий батрак или коровница умеет» [там же, с. 408].

Наконец, в поэзии (например, в уже упоминавшемся «Гимне бороде»²¹) Ломоносов порой предавал осмеянию косность и сует-

²¹ Чрезвычайно подробно разобрана дискуссия о нем и ряде последующих стихотворений в: [М.В. Ломоносов, 1959, т. 8, с. 1059—1082].

верность духовенства своего времени, что вызывало, естественно, бурную негативную реакцию церковных властей. Тем не менее выводить из ломоносовских писем или поэзии антиклерикализм Ломоносова было бы не вполне корректно. Так, например, в § 67 проекта регламента Академической гимназии он предлагал подвергать публичному наказанию «за проступки против религии» [М.В. Ломоносов, 1955, т. 9, с. 503], а § 72 гласит: «За тяжелые преступления, направленные против религии, и впредь до осуждения, держат взаперти в карцере, а по исключении из Гимназии отсылают в надлежащий суд» [там же, с. 505]²². Также Ломоносов говорит о благотворном влиянии церковных книг на русский язык [М.В. Ломоносов, 1952, т. 7, с. 585—592].

В Прибавлении к «Явлению Венеры на Солнце...» Ломоносов, защищая концепцию множества возможных обитаемых миров, пишет: «Правда и вера суть две сестры родные, дочери одного всевышнего родителя: никогда между собою в распрю прийти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду всклеплет» [М.В. Ломоносов, 1955, т. 2, с. 373], затем: «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал свое величество, в другой — свою волю. Первая — видимый сей мир, им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность его зданий, признал божественное всемогущество, по мере себе дарованного понятия. Вторая книга — священное писание» [там же, с. 375], и далее: «Нездороворассудителен математик, ежели он хочет божескую волю вымерять циркулом. Таков же и богословия учитель, если он думает, что по псалтире научиться можно астрономии или химии» [там же, с. 375].

Здесь Ломоносов последовательно проводит линию на содержательное размежевание областей компетенции науки и религии, нередко достаточно резко отрицая вмешательство религии в научную мысль: можно вспомнить его саркастическое замечание из той же работы: «...ревнителей к православию, кое святое дело само собою похвально, если бы иногда не препятствовало излишеством высоких наук приращению» [там же, с. 370]. А.В. Попов в статье «Наука и религия в мирозерцании Ломоносова» [А.В. Попов, 1911, с. 1—12] доказывал даже, что «новую науку Ломоносов принял как религию, как новый орган религиозного творчества и служение ей сделал подвигом своей жизни» [цит. по: П.Н. Берков, 1936, с. 198], что, правда, при нашем современном уровне знаний о Ломоносове звучит не вполне убедительно.

²² Это, вероятно, два единственных случая письменного употребления М.В. Ломоносовым термина «религия». Комментаторы советского времени утверждали, что использование термина «религия» в данном случае — ошибка [см.: М.В. Ломоносов, 1955, т. 9, с. 874].

Ломоносов интересовался философскими концепциями религии²³ и историческим бытием христианства²⁴. Однако, сознательно дистанцируясь от делящейся более века дискуссии о возможном деизме Ломоносова²⁵, можно утверждать, что каких-либо ясных сведений об этих его интересах мы сегодня, к сожалению, не имеем. Тем не менее порой встречавшийся в советское время тезис о том, что «религия сама по себе... мало интересовала Ломоносова» [*И.З. Серман*, 1966, с. 30], нуждается, как было показано выше, в серьезной корректировке.

Хотя Ломоносов и не создал отдельной школы научного изучения религии, его интерес к истории религии, религиозным аспектам культуры положительно воздействовал на формирование общей позиции Московского университета по вопросу научного изучения религии, которая в конечном счете привела к введению соответствующих курсов в систему университетского образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив АН СССР.
Бабкин Д.С. Биографии Ломоносова, составленные его современниками // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1946. Т. 2.
Берков П.Н. Ломоносов и литературная полемика его времени, 1750—1765. М., 1936.
Бубнов Н.Ю. Михаил Васильевич Ломоносов и старообрядчество // Ломоносов и книга. Л., 1986.
Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. / АН СССР. М.; Л., 1950—1983. Т. 2. М.; Л., 1955; Т. 6. М.; Л., 1952; Т. 7. М.; Л., 1952; Т. 8. М.; Л., 1959; Т. 9. М.; Л., 1955; Т. 10. М.; Л., 1952; Т. 11. М.; Л., 1983.
Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь / РАН; музей М.В. Ломоносова / Ред.-сост. Э.П. Карпеев. СПб., 1999.
М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников / Сост. Г.Е. Павлова. М.; Л., 1962.
Морозов А.А. М.В. Ломоносов и телеология Христиана Вольфа // Литературное творчество М.В. Ломоносова: исследования и материалы / Под ред. П.Н. Беркова, И.З. Сермана. М.; Л., 1962.
Попов А.В. Наука и религия в мирозерцании Ломоносова // М.В. Ломоносов: Сб. статей / Под ред. В.В. Сиповского. СПб., 1911.

²³ Сохранилась запись о покупке им в 1762 г. книги Вольтера «Естественная религия» [*Voltaire*, 1756], см.: [Архив, ф. 3, оп. 1, № 289, л. 43—43 об.].

²⁴ В том же 1762 г. М.В. Ломоносов покупал книгу де Лакроза «Замечания на историю христианства в Индии» [*Remarques sur l'Histoire du christianisme des Indes*, 1737], см.: [Архив, ф. 3, оп. 1, № 289, л. 43—43 об.].

²⁵ По этому вопросу см. прежде всего статью А.А. Морозова «М.В. Ломоносов и телеология Христиана Вольфа» [*А.А. Морозов*, 1962, с. 163—196] и книгу И.З. Сермана «Поэтический стиль Ломоносова» [*И.З. Серман*, 1966, с. 31—32, 34, 36, 41, 46 и 62].

Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) / Отв. ред. П.Н. Берков. М.; Л., 1966.

Соловьев С.М. Соч.: В 18 т. М., 1988—1993. Т. 8, 15—16.

Ченакал В. Русский студент из Петербурга // Огонек. 1961. 19 ноября.

Шторм Г.П. Избр. произв.: В 2 т. / Вступ. статья М. Козьмина. М., 1985. Т. 1.

Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 11-е изд. М., б. г.

Arntkiel T. Cimbrische Heyden-Religion. Hamburg, 1702.

Hartknoch Chr. Alt- und Neues Preussen oder Preussischer Historien zwei Theile. Franckfurt; Leipzig, 1684.

Remarques sur l'Histoire du christianisme des Indes, par de la Croze. Halle, 1737.

Voltaire F.M.A. La religion naturelle, poème en quatre parties. Au roi de Prusse. Genève, 1756.